

Исакова Д.К., преподаватель, Имарова Н.Р., преподаватель,
Курманкулова С.А., преподаватель, Мурадымов Н. М. к.филол.н., доц.
Ошский государственный университет

ПАМИРА И АЛАЯ В НАСЛЕДИИ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ И УЧЕНОГО П. Н. ЛУКНИЦКОГО

ОРУС ЖАЗУУЧУСУ ЖАНА ИЛИМПОЗ П.Н. ЛУКНИЦКИЙДИН МУРАСЫНДА ПАМИР ЖАНА АЛАЙ ТЕМАСЫ

PAMIR AND ALAI'S THEME IN THE HERITAGE OF A RUSSIAN WRITER AND SCIENTIST P.N. LUKNITSKY

Аннотация: В статье изучена роль русского писателя-путешественника Павла Николаевича Лукницкого в документально-художественном осмыслении жизни кыргызов Памира и Алая. Отмечено значение наследия ученого-писателя по изучению края, художественному изображению быта, культуры кыргызов памироалайского региона.

Ключевые слова: тема, кыргызы Памира и Алая, документально-художественное изображение, наследие, русские писатели и ученые, русская литература.

Аннотация: Макалада орус жазуучу-саякатчысы П.Н.Лукницкийдин Памирлик жана Алайлык кыргыздардын турмушунун даректүү- көркөм сүрөттөдөгү ролу изилденген. Илимпоз-жазуучунун памир-алай аймагындагы кыргыздардын тиричилигин, маданиятын көркөм сүрөтөө мурасынын мааниси ачып берилген.

Түйүндүү сөздөр: тема, Памир жана Алай кыргыздары, документтүү- көркөм сүрөттөө, мурас, орус жазуучулары жана илимпоздор, орус адабияты

Abstract: The article explores the role of the Russian travel writer P.N. Luknitsky in documentary and artistic interpretation of the life of the Kyrgyz Pamir and Alai. The significance of the heritage of the scientist and writer on the study of the region, the artistic depiction of life, and the culture of the Kyrgyz people of the Pamir-Alai region is noted.

Key words: theme, Kyrgyz Pamir and Alai, documentary artistic image, heritage, Russian writers and scientists, Russian literature.

В XX веке целый ряд русских писателей – К. М. Симонов («На Памире»), Борис Лапин («Повесть о стране Памир»), П. Н. Лукницкий («Выступление из Оша», «Переход по Алайской долине», «Путешествие по Памиру»), С. Д. Мстиславский («Крыша мира») и другие внесли весомую лепту в документально-художественное осмысление памироалайской темы в литературе [1;3;5;6;10;13]. Названные авторы шли стопами первопроходцев памироалайской темы, как, например, ученого-востоковеда Б.Л. Тагеева, автора книг «Из боевой жизни на Памире» (Спб, 1900), «Памирские походы» (Варшава, 1902) и др.

По случаю исполнения 120 лет со дня рождения видного ученого и писателя Павла Николаевича Лукницкого (1900-1973), одного из видных русских писателей горьковского призыва, активно участвовавшего в изучении и освоении темы Памира и Алая, есть смысл рассмотреть его научно-творческое наследие через призму познания жизни родного края.

Павла Лукницкого по праву называют летописцем Востока и Памиро-Алая, так как многогранное творчество очеркиста, поэта, прозаика, ученого подтверждает правоту слов А.М. Горького о значительной роли русского ученого и писателя в научном, документально-художественном изучении памироалайского региона, в том числе памирских кыргызов [3; 9; 10].

Хотя имя и наследие Лукницкого всегда были на слуху, но вокруг его биографии по сей день идут споры [3;9, с. 784]. Дело в том, что Лукницкий по происхождению дворянин, а Ленинград его родной город, как северная столица, неоднократно подвергалась «чисткам», «высылкам» всех «бывших» и «неблагонадежных». Лукницкий очень часто бывал объектом интереса советских органов: в 1927 году он был подвергнут аресту (за связь в Николаем Гумилевым и с другими «опасными» людьми) [3].

Сын военного инженера Павел Николаевич учился сначала в Ленинградском ИЖС (1922-1924), а затем продолжил учебу на литературно-художественном отделении ЛГУ (1925). Он активно общался с ленинградскими акмеистами, издал первый сборник стихов (1927). Тесные творческие узы связывали молодого поэта с Анной Андреевной Ахматовой (как известно, П.Н. Лукницкий с ее ведома вел дневник, энергично собирал материалы по наследию расстрелянного в 1921 году Н.С. Гумилева, что и было поводом для его ареста; уже в 90-е годы Лукницкий издал сборник «Акумиана» о Н.С. Гумилеве и А.А. Ахматовой). Другой страстью ученого и поэта П.Лукницкого были странствия. В 1925-29-е годы он участвовал в научных экспедициях по Крыму, Кавказу, Туркмении. В 1930 году ученый принимает приглашение для участия в научной экспедиции на Памир. Эта страница его биографии позже найдет отражение в ряде книг писателя, так как Восток, Памир стали в его судьбе самой яркой страницей творческой жизни [3].

Памир и Алай сыграли огромную роль в его научной и писательской судьбе, предопределив главную тему книг «У подножия смерти» (1931), «Памир без легенд», «Всадники и пешеходы» (1932-1933), «Земля молодости» (1936), романа «Ниссо» (1946) и др. А после войны он вновь возвращается к восточной теме и издает новые книги «Путешествия по Памиру», «Таджикистан» (1957), многочисленные статьи и очерки. Прав литературовед В. Шошин: значительная часть творческого наследия писателя посвящена Востоку и восточным народам [13].

Еще со студенческих лет в пору учебы в Ленинградском университете, где преподавание востоковедения было поставлено на высокий уровень, у юноши проснулся интерес к горному краю. П.Н. Лукницкий был включен в состав геологической партии. Участие в памиро-алайской экспедиции, знакомство с бытом, культурой народностей, племен Алая и Памира дало ученому и писателю богатый материал. «За три года я проехал верхом и прошел пешком по высокогорьям десять тысяч километров», - писал он [9; 10]. Прозаик кропотливо и пристально изучал быт, нравы, культуру, язык, говор местных племен, в том числе памирских кыргызов.

В книге «Всадники и пешеходы» он указывал: «Представители древних племен, нацменьшинства таджиков-шугнанцы, бартангцы, ваханцы, рушанцы, горанцы и ишкашимцы ютятся в крошечных селениях – кишлаках,- под откосами тесных, глубочайших ущелий Западного Памира...Ничего почти не знают широкие читательские массы о стране Памир...» [10 / 1976].

Своими книгами писатель в немалой степени способствовал «введению» концептов Алая и Памира в художественную литературу. Особенностью творческой позиции Лукницкого в подходе к ориентальной теме было неприятие поверхностного гастролерства. «Еще в молодые годы я понял, что писателю необходимо своим трудом участвовать в труде тех, о ком он хочет писать...» [9].

Ученым и писателем был собран богатейший материал, собранный подчас в сложных критических обстоятельствах. Данный регион - зона интересов многих крупных держав, стремившихся «поддерживать» силы, выступавших против Советов и их планов по нормализации жизни местного населения. Новая власть стремилась открывать школы, лечебные пункты, прокладывать дороги, а враги пытались помешать этому процессу. На территории Алая и Памира еще действовали хорошо вооруженные отряды (в советской историографии они получили названия *басмачей*). В повести «Басмачи на Алае» Лукницкий рассказывает о том, как весной 1930 года из древнего Оша, стоявшего на пересечении больших торговых путей и где уже многое говорило о победе нового («дымила длинная труба большой шелкомотальной фабрики», громыхали «тяжелые трактора, проезжая по кратчайшему пути из одного колхоза в другой», в городском саду шли спектакли народных талантов») они выехали в сторону Памира. Дорога была очень трудной и небезопасной. В пути экспедиция неоднократно обстреливалась из засады, группа, в которой работал Лукницкий, была разгромлена. Сам он попадает в плен, правда ему чудом удается спастись. Его подобрала бойцы погранзаставы, которые помогли сохранить собранные им материалы.

Вл. Шошин указывает [13], что опасности не испугали писателя и ученого: Лукницкий еще ряд лет работал в различных экспедициях Академии наук, содействовал расшифровке «белых» пятен карты Алая и Памира, открытию ряда пиков, нескольких ледников (по инициативе ученого одному из пиков было дано имя В.В. Маяковского). А главное открытие им было сделано в писательском блокноте: он увидел своеобразие жизни народностей Памира и Алая, богатство их языков, обычаев. И это нашло отражение в его рассказах, повестях, романах «Делегат будущего», «Ниссо».

Исследователи [3;5;13] отмечают жанрово - стилевое своеобразие книг П. Лукницкого - это очерки, рассказы, повести, романы, яркие типы и характеры героев. Если даже не принимать в расчет признанных романов «Ниссо», «Делегат будущего», «Земля молодости» и повестей «У подножия смерти», «Памир без легенд», «Всадники и пешеходы» (кстати, высоко оцененных М. Горьким), то и рассказы «Безумец Марод –Али», «Кашгарец Мирбам», «Приезд Гюль–Жамал», «Рассказ о памирском работнике» поучительны умением автора увидеть человека в его индивидуальной конкретности. Разумеется, в ряд лучших книг о Востоке вошел его роман «Ниссо» (1939-1946) о судьбе девушки, выросшей в нищете, но чуждой смирения, покорности. После гибели матери родственники продали девочку хану Азизхану, но она убегает от «мужа» и все делает для сохранения своего человеческого достоинства, исполнения мечты об учебе в большом городе. Читателям роман был интересен запоминающимися страницами, воссоздающими быт, нравы, культуру народов Памира. Вот Ниссо и ее спутник три недели на лошадях добираются до города, где она мечтает учиться. «Они выбирали под склоном какой-нибудь горы травянистую лужайку у первого попавшегося ручья; стреножив лошадей, пускали их на подножный; собирали кизяк или терескеи, разводили костёр, не раздеваясь, в белых овчинных тулупах, спали на кошме под ватным одеялом. Просыпались с рассветом, седлали лошадей и ехали дальше... За три недели только однажды встретился им стан кочевников-кыргызов. Ночь они провели в юрте, пили густое ячье молоко и кумыс, до утра вели разговоры с набившимися в юрту кочевниками; те интересовались большими делами, что вершатся за пределами Высоких гор, спрашивали о том, что такое колхозы, о которых донесли им весть другие кочевники, о новой дороге, которая тянется сюда от больших городов, и о летающей машине, промчавшейся над их становищем» [10, с. 442]. Прозаик умеет емкими деталями обрисовать те крутые социально-культурные перемены, происходившие в крае, например, образ Марод – Али и его близких. Этот худой и тощий человек показан личностью с сильной волей. Он одержим идеей провести воду в родное селение и ему удается повернуть ручей с Верхнего пастбища.

Кишлакская беднота начинает верить в возможность построить тридцать желобов, хотя раньше мечтали о десяти. Лукницкий рисует образ дехканина, поверившего в свои силы («Пускай ко мне приходят, я буду учить, ученики мои рабочими станут, много рабочих в Горном Бадахшане будет»).

Проза Лукницкого обогатилась многочисленными колоритными топонимами (*Хорог, Бадахшан, Кала-и-бар-Пяндж, Шах-Дара, Шугнан, Пянджара, Бартанг, Гунт, Дарваз и другие*), ономастическими единицами (*Ага-Хан, Тимур –Ланг, Ислам-хан, Сафо, Наубогор, Каламфоль, Марод, Шамо, Амунбегим*), экзотизмами (*пир, исмаилит, имам, опиум, рупий, оик, табиб, тутовое дерево, шана, сеид, чалма, дэвона, акобыр* и др.).

Не менее богат арсенал художественных средств показа среднеазиатской действительности не только в романах «Ниссо», «Земля молодости», но и в других текстах («Пограничники Алая», «Басмачи на Алае» и др.). Вл. Шошин замечает, что правдивость экзотических деталей заключается не только в жизненной достоверности материала, но и в историзме психологической трактовки главных его персонажей, самих реалий Памиро-Алая [13]. Если в образах Хурама («Земля молодости») и Ниссо Лукницкий показал людей обновленного Востока, то персонажи из повести «Басмачи на Алае», Азизхан из «Ниссо» это выразители морали уходящей жизни. Вот Хурам Раниев оставил учебу и семью в Ленинграде, добровольно напросился работать директором МТС в Румдаре, что в далеком-

далеком Памире. Хурам – уроженец Памира, он любит свой в прошлом заброшенный край. Герой приезжает в родные края, чтобы помочь своим сородичам, землякам приобщиться к новой жизни. Хурам в этих местах воевал, он знает язык местных племен, памирских аборигенов. «Хурам и сам не заметил, как случилось, что его вдруг узнали все. Говорил с одним, говорил с другим, с сотнями дехкан говорил о самых маленьких их делах, и дехкане расставались с ним удовлетворенные, успокоенные...» [10].

Прозаик находит выразительные детали, штрихи быта, культуры памирских жителей. Вот описание летнего жилища в горах. «Складень из хвороста и остроугольных камней – айляк, - летовка в горах. Глубокие лазы и дыры вместо дверей. По темным углам солома, на которой *ильчизан* – жены пастбищ – могут спать по ночам. На выступах разнобоких камней теснятся посуда – большие деревянные чашки для простокваши и творога. По стенам висят пустые бараньи шкуры, в которых молоко можно унести вниз, в *кишлак*...» Детали восточной экзотики прозаик использует только для более достоверного показа уклада жизни народа Памиро-Алая. Писатель использует экзотические детали *Магомет, мечеть, чайхана, карагач, чорук, дувал, халат, томаша, карнай, тамбур, най, кайрак, кишк* и др., вводя также новые слова *колхоз, комсомол, МТС, товарищ, милиция, революционный гимн* и др. Язык произведений П.Н. Лукницкого отражает культурно-исторические перемены в этом регионе. Итак, тексты русского ученого и писателя из его богатого документально-художественного наследия и в наши дни продолжают сохранять свое значение в решении проблем национально-культурного возрождения кыргызского этноса.

Литература:

1. Асанова Д. А. (2007). Кыргызская тема в русской поэзии Кыргызстана и контекст кыргызской литературы XX века. АДК. – Бишкек, – С.22.
2. Братухина А. М., Сухомлинова О.С. (1983). Киргизия в художественной литературе.- Фрунзе.
3. Зеленко Н. (1980). Ветер с Памира // Литературная газета, 3 –ХП.
4. Зеличенко Л. Я. (2002). «Советский Фенимор Купер», влюбленный в Киргизию.- РЯЛШК, , № 2. – С.95 - 106.
5. Жирков А.В. (1975). У костра, зажженного Горьким. – Фрунзе.
6. Егорова Л. (1986). В семье единой. Русская проза в ее связях с жизнью народов.-М:
7. Каганович С.И. (1979). Восток в русской литературе 20-40-х гг. – Ташкент.
8. Лапин Б. (1978). Избранное («Повесть о стране Памир» и др.). – М.:
9. Лукницкий П.Н. (1964). Биография / Русские писатели. Прозаики. Биобибл. указатель. – Л.: т. 2. С. 784 -795.
10. Лукницкий П. (1955). Путешествия по Памиру.- М.: Молодая гвардия, – Избранное (За синим Памирским камнем. Басмачи на Алае. Ниссо. - М.:
11. Симонов К. М. (1968). По Памиру. – М.:. – Июнь на Памире // Остаюсь журналистом. – М.: - С. 111-125.
12. Фиксин А. С. (1975). Тема Киргизии в русской литературе 20-30-х гг.- Алма-Ата.
13. Шошин В. (1971). Летопись дружбы: к проблеме интернационализма в советской литературе.- Л.: Наука.